

А. Светланин

Дальневосточный заговор

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Светланин**
Дальневосточный заговор / А. Светланин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 138 с.

ISBN 978-5-517-88901-0

Издание посвящено делу заместителя наркома обороны Гамарника и маршала Блюхера и последующему разгрому военных кадров на Дальнем Востоке. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1953 года.

ISBN 978-5-517-88901-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

После этого, Гамарник обходил толпу встречающих и здоровался строго по табелю о рангах. Минуя Крутова, Таирова, проходил к Лаврентьеву. Потом возвращался и пожимал руку Крутову, в то же время отыскивая глазами следующего по значению — Дерибаса.

— Знакомые все лица! — мрачно и глухо произносил он неизменную в его устах фразу из «Горе от ума». При этом суровое лицо его безуспешно пыталось изобразить подобие приветливости.

...Колонна блестящих паккардов и зисов бешено мчалась по пыльной и грязной привокзальной улице к огромным красным корпусам штаба армии на улице Серьшева. С этого момента штаб армии становился главной штаб-квартирой чрезвычайного и полномочного эmissара Политбюро на Дальнем Востоке.

БОРОДА ИНСПЕКТИРУЕТ...

— Борода едет... Приказано бородой... Доложено бороде... Бумаги для бороды...

Два месяца в году, пока правительственный комиссар оставался в подконтрольном ему крае, здесь во всех падежах склонялось это слово.

Салон-вагон Гамарника носился из Хабаровска в тиблую Даурию, из Даурии в Благовещенск, из Благовещенска в строящийся Комсомольск, из Комсомольска на Угольную и к бухте Золотой рог. Автомобиль Гамарника можно было видеть несущимся среди бурятских кочевий в Забайкалье, осторожно пробирающимся по настильной дороге в Уссурийской тайге, стоящим возле земляного горба ДОТ'а в Гродекове. С борта монитора Амурской флотилии Гамарник обзирал лесистый безлюдный берег Маньчжурии, и на флатманском судне Тихоокеанского флота выходил в океан, плавал на Сахалин, на Камчатку и под «самую» Америку.

Он инспектировал воинские части, пограничные заставы, укрепленные районы, Особую воздушную армию Лапина, крейсера и подводные лодки Викторова, угольные шахты Сучана, номерные заводы Хабаровска, поля дальневосточной житницы — Приамурья...

Присутствовал в заседаниях военного совета, крайкома и крайисполкома и в общей и секретной аудиенции принимал с докладами высших должностных лиц края, строителей подземных бастионов, командиров и комиссаров соединений,

разведчиков, только что вернувшихся «оттуда» (из Японии и Китая).

Гамарник держал своё достоинство высоко, но без дешёвого самолюбования. Терпеть не мог, чтобы кто-нибудь шел рядом с ним (исключением был только Блюхер), и всегда ходил один, удерживая свою свиту и охрану на почтительном от себя расстоянии. Шёл энергичной походкой, но без малейшей суеты, всегда с полуопущенными глазами, не обращая ни малейшего внимания на стороны, целиком, казалось, погруженный в какие-то свои, никогда его не оставляющие, мысли. Тяжелое «дум стремленье» вообще было чрезвычайно характерно для лица этого человека с глазами мрачного идеалиста.

Вечно сосредоточенный, молчаливый, Гамарник не знал шутки, улыбки, разговора на отвлеченную тему, но не был раздражительным, грубым, придирчивым по мелочам, не устраивал криков, разносов и вообще ни чем не обнаруживал своих чувств. Он был в некотором роде олицетворением того второго поколения советских ответственных работников, которое пришло на смену разухабистым партизанам первых лет революции. Это второе поколение отличают некая собранность, самодисциплина, культурные навыки, эдакий своеобразный такт, такт ежовых рукавиц, но всё же такт. . . деловой стиль. Человек делового стиля, Гамарник в служебных докладах, рапортах, донесениях не переносил никакой воды. Если бы можно было собрать речи и политические приказы Гамарника, то легко было бы установить, что даже в таком совершенно обязательном в СССР для всех, а тем паче для окружения вождя, виде водолейства, как славословия Сталину, Гамарник был сдержаннее, чем кто-либо другой и ограничивал себя рамками неизбежного трафарета. Может быть, по этой причине ненавидел его Ворошилов, безмерный и изобретательный в своей лести вождю. . .

На инспекторских смотрах в Дальневосточной армии Гамарник немногословно приказывал сделать то-то или устранить то-то или же молча садился в машину и уезжал, не сказав ни слова одобрения, ни слова порицания. Это молчание было загадочно и двусмысленно и оставляло начальство инспектируемой части на некоторое время в томительной неизвестности. Бывало, после инспекторского смотра приказом свыше командир части, без мотивировки, отстранялся от должности. Но бывало также, что на грудь командира, опять же без мотивировки, неожиданно-негаданно сваливался орден...

При всем том этот человек, который никогда не смеялся, славился своими чудачествами, которые, впрочем, были вполне гамарниковские, т. е. никогда не носили юмористического оттенка. . . Однажды, на утреннем смотре в одной части, Гамарник заметил лейтенанта, на щеках которого явно проступала щетина бороды: бедняга, видимо, проспал и не успел побриться.

— Вы только в тайге. А Суворов считал себя обязанным ежедневно бриться и под шрапнелью неприятеля, — в обычной своей манере бесстрашно заметил Гамарник.

Растерявшийся было лейтенант вдруг спасительным взглядом уставился на бороду Гамарника и нашелся что ответить:

— Я решил, товарищ армейский комиссар, отпустить себе бороду. Уставом ведь это не запрещено? — сказал лейтенант и снова остановился долгим взглядом на бороде армейского комиссара.

— Хорошо! — не шевельнув ни одним мускулом лица, медленно ответил Гамарник. — Приедете в Москву и мне покажетесь.

Повернувшись к командиру части, Гамарник приказал:

— Через два месяца предоставите лейтенанту отпуск и выдадите проездные в Москву. . .

Никогда и во сне себя не видевавшему с бородой лейтенанту пришлось заростать, а потом отправляться за десять тысяч километров демонстрировать в столице свою получившуюся довольно чахлой растительность. . .

Дальневосточники не имели основания ни испытывать особого страха перед Гамарником, ни питать к нему, как к личности, какой-нибудь особой неприязни. В конце концов, чисток он не устраивал, напротив: ревниво оберегал стабильность дальневосточных кадров. Никаких своих, гамарниковских, экспериментов над войсками и населением края не придумывал. Не был и держимордой, самодуром.

Чиновничество определенно уважало Гамарника за твердость слова: скупой на обещания, раз обещанное (по части удовлетворения хозяйственных и культурных нужд края) он всегда исполнял.

В войсках и населении края существовала легенда о покровительствующей дальневосточникам «бороде». Основанием для этой легенды явились, видимо, некоторые поправки и привилегии, которыми с некоторых пор пользовались дальневосточники. Колхозы края, имевшие налоговые льго-

ты, не так хищнически обирались, как в центральных областях Союза; умело пользуясь к тому же своей таежной техникой хозяйственной конспирации от властей, они ухитрялись жить сносно. Здесь существовала особая дальневосточная, довольно ощутимая прибавка к жалованью (так называемые «дальневосточные деньги»); в ценах же Дальневосточный край был приравнен к «дешевому» первому, московскому, поясу. Продовольствие сюда поступало бесперебойно, и дальневосточники, например, не извели голода 1933 года. Одежда и обувь московских фабрик доходили в далекий Хабаровск скорее, чем в какую-нибудь подмосковную Тулу. В области «питейной» как бы уважалась традиция таежников, и с сибирских заводов винокурения шел сюда чистый спирт. При этом на «закуску» ведомством Микояна иногда разрешалось выбрасывать на продажу дальневосточникам по пониженным ценам знаменитую дальневосточную красную икру. Впрочем, и без разрешения Микояна, в дни сезона, на берегу Амура можно было у рыбаков из-под полы купить кетовой икры целый пуд. . . Одна другую сменяли на Дальнем Востоке специально отряженные сюда бригады лучших артистических сил страны. Даже проблема прекрасного пола не была оставлена без внимания, и по общественному призыву Вали Хетагуровой, милостивой жены командира артиллерийского полка с Волочаевской горы, комсомолом были посланы на Дальний Восток тысячи девушек, энтузиасток освоения тайги. Многие из них вскоре же повыходили замуж за офицеров армии Блюхера. . .

Жилось здесь как-то чуточку вольнее, и дальневосточники говорили, что это «борода» старается для своих опекаемых. . .

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПОЛИТБЮРО И . . . АНТИПОЛИТБЮРО

Член оргбюро ЦК ВКП(б), заместитель народного комиссара обороны и глава комиссаров Красной Армии Ян Борисович Гамарник получил под свою руку Дальний Восток в 1930 или 1931 году, вскоре после того, как звезда его засияла на столичном небосклоне. (Перед этим Гамарник сидел в «белорусских болотах» в качестве первого лица этой республики). Как раз в эти годы, после только что закончившейся советско-китайской войны из-за КВЖД и в предвидении серьезного осложнения отношений с Японией, советское прави-

тельство приступило на Дальнем Востоке к реализации внушительной программы военного строительства и — в более широком смысле — военизации края вообще. После оккупации Японией Маньчжурии эта программа была еще более расширена, и уже в 1934 году Дальний Восток по численности стянутых сюда войск и по значению стал первым военным округом Красной Армии.

Естественно, что перед правительством встала необходимость сосредоточить наблюдение из центра за приобретшей столь большое значение далекой военной окраиной в одном каком-нибудь лице. И так же естественно, что выбор пал на человека, совмещающего в своем лице власть военную и власть партийную. При этом, по совпадению, этот человек оказывался старым знатоком таяжного края: в свое время (середина двадцатых годов) Гамарник несколько лет провел на Дальнем Востоке в качестве советского губернатора (председатель губернского исполкома) и члена Дальбюро ЦК ВКП(б).

Вновь назначенному правительственному наблюдающему за Дальним Востоком были присвоены большие полномочия. Краевые власти, равно как и все наркоматы и центральные ведомства, во всем, что касалось Дальнего Востока, были обязаны отчетом Гамарнику и должны были согласовывать свои с ним действия. Он же был обязан отчетом непосредственно Политбюро. При назначениях и смещениях руководителей края Гамарнику в оргбюро принадлежало решающее слово. Назначения, перемещения и смещения крупных работников внутри края могли производиться только с ведома и одобрения Гамарника. При его ежегодных инспекционных поездках в Дальневосточный край, Гамарник на время пребывания в крае становился чрезвычайным и полномочным правительственным эмиссаром для этой территории, с правом принимать на месте самостоятельные ответственные решения по вопросам экономики края, военного строительства и охраны границ.

При этом Гамарнику была вверена вся служба осведомления правительства и «общественного мнения» о военно-политическом положении в странах Дальнего Востока, граничащих с СССР. Гамарник лично возглавлял службу советской военно-политической разведки в Японии и Китае и был шефом соответствующего отдела Разведупра Красной армии и разведотдела штаба ОКДВА. Вся военно-политическая литература по Японии и Китаю подлежала цензуре Га-

марника, и Карл Радек, диктуя в ночной час на линотип свои «японские» статьи, рассчитывал время так, чтобы успеть получить на них визу Гамарника.

При управлении главного комиссара Красной Армии, на Арбате, была особая канцелярия по дальневосточным делам.

... Политбюро, выдавшему столь солидный мандат Гамарнику, и во сне не снилось, что человек, облеченный этим мандатом, будет в заговорщическом подполье развивать идею дальневосточного восстания против Кремля и предложит себя в качестве уполномоченного по организации такого восстания. . .

ПОДПОЛЬЕ В ВКП(б)

Антиправительственное и — во вполне определенном смысле — антикоммунистическое подполье тридцатых годов, ставшее известным под именем «заговора Тухачевского», было подпольем в самой правящей коммунистической партии, точнее же — подпольем части руководящего состава коммунистической партии, её генералитета.

Возникновение этой организации было неразрывно связано с теми новыми условиями политического режима, в которых оказались партия и страна после монополизации (можно также сказать: узурпации) власти группой Сталина в 1929 году.

Сталин пришел к положению неограниченного диктатора партии и государства в борьбе за «ленинизм», против оппортунистических уклонов старой ленинской гвардии. Теперь людям Советского Союза измена ленинских соратников ленинизму, так же как защита Сталиным чистоты ленинизма, представляется злостной мистификацией, но в те времена (1925-1929 г.г.) взгляды были несколько иные.

Гвардией Сталина, при помощи которой последний одержал победу над «ленинградской оппозицией» на 14-ом съезде партии (происходившем в декабре 1925 года), были молодые партийные работники, лично обязанные Сталину. Сталин недаром провел перед этим три года — из них два в период междуцарствия, после смерти Ленина — на посту генерального секретаря ЦК. И в то время, когда его соперники и будущие открытые противники остряли свое политическое или даже проще, теоретическое оружие, Сталин, в руках которого, как генсека, был сосредоточен подбор и отбор

руководящих кадров, в том числе монополично — кадров руководителей для периферии, втихомолку расставлял на посты в партийном и государственном аппарате, в частности на посты секретарей губернских и уездных комитетов партии, облюбованную им молодежь. Великий аппаратчик, конечно, уже тогда был фанатично убежден, что секрет властвования — в искусстве «организационной работы».

Известно, что молодость признательна, и губернско-уездные секретари, сами составлявшие на 14-ом съезде четверть его состава, повели свои делегации за нашедшего и облагодетельствовавшего их Сталина против ожесточенного атакующего Зиновьева и его ленинградцев. Это обстоятельство, при полнейшей беспечности и недалекости будущих вождей правой оппозиции, позволило Сталину впервые показаться перед партией и страной в мундире победителя.

Нельзя, однако, сказать, что молодые партработники поддержали Сталина только из побуждений благодарности за выдвигание. При этом они, как и ячейки партии в своем подавляющем большинстве, были и основательно убеждены в том, что в споре левая оппозиция — Сталин, истина лежит где-то ближе к Сталину. Истерика и паника зиновьевцев перед затяжкой революции в капиталистических странах, конечно, меньше могли импонировать здравому рассудку партии, чем ясный оптимизм и волевая целеустремленность Сталина, возвестившего работу с засученными рукавами по построению социализма в одной, отдельно взятой, стране и доказывавшего, со ссылкой на Ленина, что СССР имеет «всё необходимое для построения полного социалистического общества». Хозяйственный план Зиновьева Сокольниковца, предлагавшего оставить СССР аграрной страной в ожидании революционных потрясений на Западе, никому из мыслящего слоя партии вообще и национально-мыслящего слоя в особенности, не представлялся великолетным.

Порок планов оппозиции состоял еще и в том, что она, будучи сама в разброде, выдвигала предложения, зачастую резко противоречащие одно другому. Так, наряду с антииндустриальным планом Сокольниковца, оппозицией же выдвигалась вычурная, нервная и паническая сверхиндустриализация за счет беззастенчивого выкачивания соков деревни, которая, разумеется, еще меньше могла рассчитывать на сочувствие партии, изрядно разбавленной за годы, прошедшие после Октября, крестьянским элементом. Зато всех — и рабочую, и крестьянскую части партии и, в известном смысле,

народ — удовлетворял казавшийся тогда эластичным и безболезненным сталинский плановый путь индустриализации и кооперации в прочном союзе рабочего класса с середняком, с постепенным — соревновательским путем — вытеснением капиталистических элементов.

Никто не догадывался, что Сталину нужно было отвергнуть зиновьевский прожект для того лишь, чтобы спустя четыре года, использовав свои преимущества победителя, приступить к реализации... плана Зиновьева (под названием сталинской пятилетки) в таком масштабе, в таком темпе и в таких зверских формах, какие левым и во сне не снились.

Правда, бурбонская личность Сталина, грубого и властного, уже и тогда оставляла у партии смутно-тяжелое чувство. Но Сталин, величайший актер, блестяще учел и это положение. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК в ноябре 1927 года, когда его победа ясно обозначилась, Сталин жертвенно предложил себя на суд партии. По принятому Политбюро (по настоянию оппозиции) постановлению о немедленном опубликовании в смутное для партии время предсмертного письма Ленина в ЦК — Сталин извлек последнее из кремлевских сейфов и, выступив перед высоким партийным собранием с заявлением, что пора покончить с бессовестной спекуляцией оппозиции на так называемом завещании Ленина, прочёл его. (В своем письме, в заключительной его части, Ленин предлагал ЦК найти способы замены Сталина на посту генсека другим, во всех отношениях более эластичным членом ЦК. Ленин указывал, что Сталин слишком груб и что этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека.)

В последовавшей затем речи, Сталин обосновал свою грубость тем, что она-де, проявляется только в отношении врагов партии — с врагами, дескать, по-вражески — и в заключение голосом, в котором трудно было уловить звучание оскорбленной невинности, заявил, что все же, если партии это будет угодно, он готов очистить пост генерального секретаря, которого так усердно добивается для себя оппозиция. Сталинские «бескорыстие и прямота» не могли не произвести впечатления на членов партийного синклита, и Сталин был оставлен в должности генсека.

Возвыщение Сталина не вызывало тогда особенно тревожного беспокойства в партии так же и потому, что в партии еще продолжали жить и действовать ленинские порядки,

обеспечивавшие свободу (конечно, относительную) внутрипартийной дискуссии, свободу партийного волеизъявления, хотя упрочавшиеся у власти сталинцы в центре и на местах, всё чаще заявляли своеволие и прибегали к методам грубого шантажа и давления. Как пример того, что внутрипартийная демократия тогда всё еще дышала, можно привести тот факт, что в возникшей перед XV партсъездом (1927 г.) общепартийной дискуссии, происходившей, особенно в партийных ячейках учебных заведений, очень бурно, со всеобщими свалками и рукопашными боями, тысячи членов партии (по сталинскому фальсифицированному «Краткому курсу» — 4 тысячи) еще могли открыто высказаться и голосовать против Сталина, не подозревая для себя от этого слишком трагических последствий.

ГПУ в то время не привлекалось для специфического «арбитража» во внутрипартийных спорах, и до самого конца 1929 года ни один член партии не был арестован за расхождение с официальной партийной линией, за оппозиционность. Члены коммунистической партии (но никак, конечно, не народ, которому в праве волеизъявления было отказано еще в 1918 году, когда большевики «раз и навсегда» разогнали свободно избранное Учредительное Собрание) рассуждали тогда примерно на такой же манер, на какой рассуждают английские избиратели о своем правительстве: «ну, пусть повластвует Сталин, а мы посмотрим. В случае чего, на очередном партийном съезде мы ему можем и отказать, а позовем Зиновьева или Сокольников...»

Всё изменилось самым резким образом с конца 1929 года, когда сталинская группа в центре решила, что настал момент монопольно прибрать к своим рукам власть и, введя новую систему властвования, раз и навсегда покончить с оппозициями. В один из дней осени 1929 года в «Правде» и нескольких других центральных газетах одновременно впервые были произнесены в роковом сочетании два слова Сталин — вождь. Вождь Сталин*). Это посеяло в партии мрачные предчувствия. Почти вслед за этим не по ре-

*) Еще в 1925 году молодой оппозиционер Катальнов, секретарь Ленинградского губкома комсомола, один из немногих прозрел обуревающие Сталина вождистские устремления. С трибуны 14-го съезда партии Катальнов гневно и вызывающе бросил Сталину: «Мы видим, куда вы нацелились. Вы хотите переклеймить нас в сталинцев? Но комсомол был, есть и будет только ленинский!»

шению партийного съезда, как полагалось бы по букве и по духу ленинских установок, а по слову новоявленного вождя*, без всякого обсуждения вопроса в партии и уж, конечно, без всякого обсуждения вопроса самими крестьянами, была приказана сплошная коллективизация крестьян — дело величайшего судьбоносного значения в жизни страны. Встревожены были не только вожди правой оппозиции — Бухарин, Рыков, Томский, Утланов и другие, до сих пор еще как-никак, но делившие со Сталиным и его группой власть в Политбюро и в правительстве. Встревожены были также и многие из «молодой гвардии» Сталина; они понимали, что Сталин ведет дело к установлению нового режима в партии и стране, при котором их роль «коллективного мозга» партии кончится.

Ряд местных партийных руководителей и некоторые члены ЦК протестовали против вождизма в партии и требовали созыва чрезвычайного партийного съезда для обсуждения вопроса о коллективизации и правомочности действий «вождя». Но новый режим уже действовал: протестующие просто, по телефонному звонку из Кремля, были арестованы — явление, доселе в партии неслыханное. Другие, в видах такой, как бы неожиданно открывшейся, зловещей перспективы, замерли и затаились, с трудом соображая, как же нужно теперь поступать...

...О том, какой психологический «яд» и какими средствами был введен в организм целой великой страны, будут писать будущие исследователи переворота Сталина. Мы же можем говорить только о действии этого яда — страшного убийцы мужества и возбuditеля отвратительного страха. За очень короткое время, за какой-нибудь год, страна приведена была к послушанию. После конвульсии анти-колхозных бунтов крестьянства самая мысль о сопротивлении, казалось, была убита. Изменилось до неузнаваемости поведение людей: оппозиционеры начали лгать, что они не оппозиционеры; страну охватил как бы повальный «сыпняк» взаимобоязни и взаимонедоверия. Почувствовали себя неодолимо разобщенными те, кто точно знали, что они между собой, по в ну

*) «Академическая» речь Сталина 27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов, немедленно переведенная в последовавших секретных циркулярах ЦК на язык категорического приказа к действию.